

Примирение в российском праве XVII в.

Сергей Николаевич Жаров

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия
serzhar@mail.ru, ORCID: 0000-0003-4789-7241

Аннотация. Представляемая статья является продолжением исследования института примирения в отечественном праве, опубликованного в 2023 г. в № 11 журнала «Российское правосудие» (статья «Институт примирения в российском праве XI–XVI веков»). Объектом исследования являются досудебные и судебные примирительные процедуры в конфликтах между подданными российских монархов. Предмет исследования — правовые нормы, регулировавшие эти процедуры, их развитие в период формирования централизованного государства и укрепления личной власти монарха. Необходимость написания этой статьи вызвана как общим вектором развития науки истории государства и права России, так и не совсем корректными представлениями об истории института примирения среди отечественных исследователей, особенно специалистов в области уголовного права и процесса. Целью настоящей работы является восстановление научного характера исследования генезиса института примирения в российском праве.

Ключевые слова: история России, централизованное государство, институт примирения, третейский суд, суд братчины, выдача головой, мировая челобитная

Для цитирования: Жаров С. Н. Примирение в российском праве XVII в. // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. 2026. Т. 11, вып. 1. С. 9–12. DOI: 10.47475/2618-8236-2026-11-1-9-12

Original article

Reconciliation in Russian Law of the 17th Century

Sergey N. Zharov

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, serzhar@mail.ru, ORCID: 0000-0003-4789-7241

Abstract. The present article is a continuation of the study of the reconciliation institute in Russian law, published in 2023 in issue No. 11 of the journal “Russian Justice” in the article “The Institute of Reconciliation in Russian Law from the 11th to the 16th Centuries.” The object of the study is pre-trial and judicial reconciliation procedures in conflicts between subjects of Russian monarchs. The subject of the study is the legal norms that regulated these procedures, their development during the period of the formation of a centralized state, and the strengthening of the monarch’s personal power. The need to write this article was prompted both by the general direction of the development of the science of the history of the state and law in Russia and by somewhat inaccurate ideas about the history of the reconciliation institute among domestic researchers, especially specialists in criminal law and procedure. The aim of this work is to restore the scholarly nature of the study of the genesis of the reconciliation institute in Russian law.

Keywords: history of Russia, centralized state, institution of conciliation, arbitration court, brotherhood court, vydacha golovoy, mirovaya chelobitnaya

For citation: Zharov SN. Reconciliation in Russian Law of the 17th Century. *Bulletin of Chelyabinsk State University. Series: Law.* 2026;11(1):9-12. (In Russ.). DOI: 10.47475/2618-8236-2026-11-1-9-12

С принятием Соборного уложения 1649 г. институт примирения получил новый импульс к развитию. В частности, допуская, как и ранее, возможность досудебного примирения между сторонами, ст. 121 главы X связала его с обязательным оформлением

специальных документов (мировых челобитных) и не менее обязательной уплатой судебных пошлин, хотя ст. 31 Судебника 1550 г. освобождала помирившихся от пошлин, требуя лишь оплатить судебные издержки, если таковые были. Указанная статья

Уложения предусмотрела и ситуацию, когда стороны, примирившись, не оповестили об этом суд и, не уплатив положенные пошлины, покинули столицу. В этом случае закон требовал взыскать пошлины с поручителей.

Ст. 154 главы X предусмотрела отказ одной из сторон от оформленного примирения и подачу иска по тем же основаниям. В соответствии с традиционным процессуальным принципом, согласно которому решенное дело не рассматривается повторно, такому истцу не только отказывали в приеме иска, но и устанавливали наказание: бить батогами и оплатить все убытки, понесенные ответчиком в связи с необходимостью проживать в столице во время процесса.

В ст. 154 главы X законодатель разрешал проблему множественности истцов и ответчиков при возможности одного из них примириться с противоположной стороной. Примирение одного из истцов не означало отказа от иска остальных, и также примирение одного из ответчиков не означало освобождения от ответственности остальных.

Более узким предметом рассмотрения по сравнению со ст. 154 главы X отличается норма ст. 8 главы XI, посвященной крестьянскому суду. Здесь запрещено возбуждать иски о возвращении беглых крестьян, если ранее между бывшим и нынешним владельцами было заключено документально оформленное мировое соглашение (полюбовная сделка), однако дополнительных санкций к такому истцу статья не вводила.

Определенной новеллой в законодательстве стали ст. 1 и 2 главы XV «О вершенных делах», полностью исключившие возможность возобновления исков, прекращенных мировыми соглашениями, даже при смене контрагентов. В первую очередь это касалось исков, в которых стороной являлись настоятели монастырей, руководители епархий и митрополий, где текучесть кадров была достаточно заметной. Второй категорией истцов ст. 2 называет вотчинников и помещиков, получивших свои земли (и крестьян) после прекращения имущественных прав прежних владельцев. Статья также установила запрет на пересмотр дел, завершенных мировыми соглашениями.

Разделение составов преступлений на публичные и частные неизбежно отразилось и на институте примирения. Субъекты преступлений, представлявших высокую общественную опасность, исключались из числа способных заключить мировую сделку с потерпевшими. Ст. 31 главы XXI прямо запрещает не столько примирение истцов с разбойниками (по всей видимости, с погашением причиненного ущерба), сколько прекращение дела вследствие этого примирения. Комментаторы увидели здесь дальнейшее усиление судебной власти, характерное для розыскного процесса [1, с. 415].

Однако в тексте самой статьи содержится мораль: «не мирися с розбойники», снабженная штрафной санкцией, размер которой в каждом отдельном случае подлежал усмотрению судьи.

Ст. 71 Новоуказных статей о татебных, разбойных и убийственных делах 22 января 1669 г. внесла уточнения в эти нормы. Во-первых, неопределенная санкция за попытку примирения с разбойниками («пеня чинити смотря по делу») была заменена вполне определенной — 50 рублей. Во-вторых, законодатель ограничил возможность примирения потерпевшего с преступником характером самого дела: при рассмотрении тяжкого преступления, имевшего публично-правовой характер и возбужденного властями («не свой иск»), запрет на примирение сохранялся, а в случае менее тяжкого преступления законодатель считал возможным защитить интерес потерпевшего, обратившегося с иском, и позволить ему примирение с преступником при возмещении причиненного вреда¹.

Что же касается процедуры рассмотрения подобных дел, то в XVII столетии еще не сложилось четкого разделения процесса на гражданский и уголовный. По авторитетному мнению К. Д. Кавелина, «гражданские иски сливались с уголовными в один и судились вместе. В некоторых случаях дела уголовные судились судом гражданским, а гражданские дела — уголовным» [5, с. 269].

Рассмотренные статьи Соборного уложения 1649 г. непосредственно содержали понятие примирения. Однако в реальности существовали ситуации, где примирение не было урегулировано, но подразумевалось. В первую очередь необходимо указать на «выдачу головой» как санкцию за причиненное бесчестье между знатными лицами. Вообще «выдача головой до искупу» (ст. 204, 206, 264–266, 275 гл. X Уложения) была наказанием для неисправных должников. А. А. Иванов, Т. Л. Матиенко и Н. Д. Эриашвили считают, что должник передавался в распоряжение кредитора до полной отработки всей суммы долга, причем кредитор имел право наказывать его, но не уморить, искалечить или убить, в чем давал поруку [2, с. 22]. Вполне соглашаясь с таким определением, отмечу, что содержание ст. 27 этому определению никак не соответствует. Ведь в ней идет речь о бесчестье, причиненном Патриарху боярином, okolничим или думным человеком, за что их следует после расследования отослать к Патриарху головой. Вполне реалистичным будет предположение о том, что преступники будут оставаться в распоряжении Патриарха до тех пор, пока публично не расскаются и не испросят прощения, каковое им будет дано официально и зафиксировано документом. Косвенно это подтверждается и содержанием ст. 83–84 гл. X

¹ ПСЗ РИ. Собрание 1-е. Т. 1. № 431. С. 791.

Уложения, где оскорбителями уже выступали митрополит, архимандрит и прочие священнослужители, которых также требовалось обложить штрафами в пользу истцов, а в случае неплатежеспособности выдать истцам на правеж «до искупу», пока не будет заключена мировая сделка. Интересно, что законодатель, защищая честь Патриарха, не упомянул его в числе оскорбителей. А включив в их число митрополита, не назвал его в числе несостоятельных должников. Видимо, законодатели, члены Земского собора, в состав которого входили и Патриарх, и митрополиты, не могли представить публично бранящегося Патриарха или неплатежеспособного митрополита.

Другой институт русской судебной системы, активно использовавший примирение сторон — это третейский суд. По мнению А. Ю. Мирошниченко, «главным предназначением третейских судов на Руси было не столько строгое следование предписаниям законов, сколько прекращение самой вражды, распри. Поэтому основной целью такого суда было соглашение, достигнутое путем взаимных уступок» [3, с. 104]. Ст. 5 главы XV Уложения установила, что обычный порядок рассмотрения дел третейским судом заключался в «полюбовном» соглашении сторон, которое документально фиксировалось приговором. Однако, если впоследствии истец или ответчик пытался оспорить этот приговор, его возражения не принимались и он должен был быть оштрафован, и кроме того, выплатить бесчестье судьям, поскольку сам же их и выбирал.

Еще один институт, использовавший главным образом примирение сторон — это суд братчины. Получив правовое регулирование еще в Псковской

судной грамоте (ст. 113), братчина стала широко распространенным общественным и правовым институтом с широким кругом полномочий. По мнению В. В. Дорошкова, суду братчины были подсудны дела о личных обидах, а также дела о побоях и драках, возникших на пиру, и завершались эти процессы, как правило, примирением сторон [4, с. 454].

Один из наиболее широко распространенных видов братчин — это боевые товарищества помещиков, исполчаемых на службу или на войну. Существование таких братчин в XVII в. неоспоримо, поскольку иррегулярная поместная конница просуществовала в России до реформ Петра I. А следовательно, мы вполне авторитетно можем утверждать, что, несмотря на отсутствие правового регулирования в Соборном уложении, суд братчины существовал и активно применял примирение в конфликтах между членами братчины.

Таким образом, можно констатировать, что институт примирения в российском судебном процессе XVII в. получил дальнейшее развитие, хотя и с некоторыми ограничениями. Во-первых, прекратилась возможность примириться после вынесения приговора, поскольку исчезли судебные поединки. А попытки примирения с отказом платить судебные пошлины строго преследовались. Во-вторых, все этапы судебного процесса подверглись формальному закреплению, в том числе и примирение сторон, для чего требовалось оформлять «мировые челобитные». В-третьих, по ряду преступлений примирение если и не запрещалось категорически, но и не рекомендовалось и уж вовсе не вело к прекращению дел, ввиду высокой общественной опасности этих преступлений.

Список источников

1. Памятники русского права. Вып. 6. М., Госюриздат, 1957. 504 с.
2. Иванов А. А., Матиенко Т. Л., Эриашвили Н. Д. О месте и значении правежа как меры исполнительного производства в истории российского общества: историко-правовой и цивилистический аспекты // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 1. С. 19–23.
3. Мирошниченко А. Ю. Организационно-правовое становление и развитие третейских судов в России (XII – начало XX века) // Юристъ-правоведъ. 2015. № 2 (69). С. 102–106.
4. Дремова Е. В. Становление и развитие примирительных традиций в российском праве // Право — явление цивилизации и культуры : материалы II Международной научной конференции. Москва : РУДН, 2020. С. 449–456.
5. Кавелин К. Д. Собрание сочинений К. Д. Кавелина. Том 4. Этнография и правоведение: Быт русского народа ; История русского права и законодательства ; Гражданское право и правоведение вообще ; Гражданское уложение / с прим. Д. А. Корсакова. Санкт-Петербург : Издание Н. Глаголева, 1900. VI, 1347 с.

References

1. Monuments of Russian Law. Vol. 6. Moscow, Gosyurizdat; 1957. 504 p. (In Russ.).
2. Ivanov AA, Matienko TL, Eriashvili ND. On the Place and Significance of Pravezh as a Measure of Enforcement Proceedings in the History of Russian Society: Historical-Legal and Civil Law Aspects. *Herald of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2016;(1):19-23. (In Russ.).

3. Miroschnichenko AYu. Organizational and Legal Formation and Development of Arbitration Courts in Russia (12th - early 20th century). *Jurist-Lawyer*. 2015;(2(69):102-106. (In Russ.).
4. Dremova EV. Formation and Development of Conciliation Traditions in Russian Law. *Law as a Phenomenon of Civilization and Culture. Materials of the II International Scientific Conference*. Moscow: RUDN; 2020. Pp. 449-456. (In Russ.).
5. Kavelin, KD. The collected works of KD Kavelin. Russian Russian law. Volume 4. Ethnography and Jurisprudence: The way of life of the Russian people ; History of Russian law and legislation ; Civil law and jurisprudence in general; Civil Code / with notes by DA Korsakov. St. Petersburg : Edition of N. Glagolev; 1900. VI, 1347 p. (In Russ.).

Сведения об авторе

С. Н. Жаров — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теоретических и публично-правовых дисциплин.

Information about the author

S. N. Zharov — Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Theoretical and Public Law Disciplines.

Статья поступила в редакцию 20.01.2026; одобрена
после рецензирования 20.03.2026.

*The article was submitted 20.01.2026; approved after
reviewing 20.03.2026.*

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.